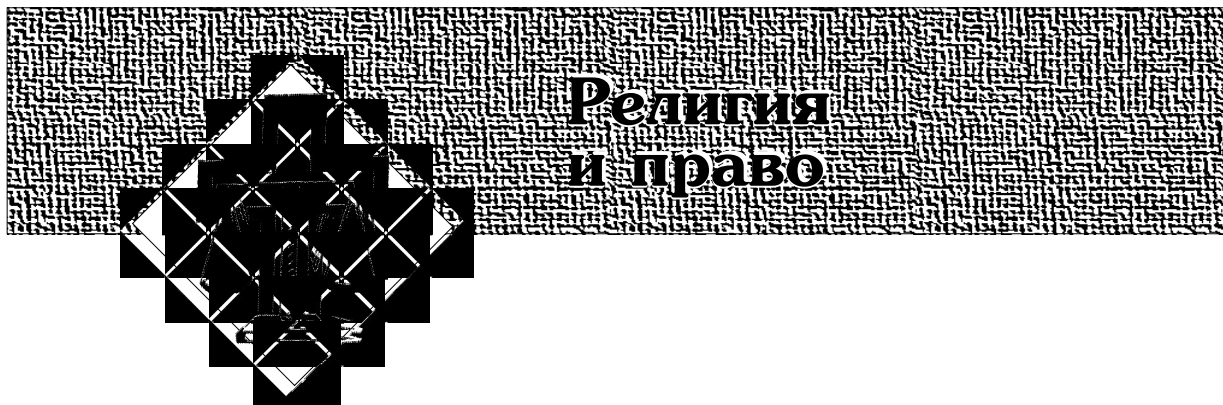

Терюкова Е.А.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАЧАЛА XX в. О ВЕРОИСПОВЕДНЫХ ПЕРЕХОДАХ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с таким важнейшим аспектом российского законодательства начала XX в. как разработка нового вероисповедного законодательства, основанного на принципах свободы совести и вероисповедания. Особое внимание уделяется выработке законодательных норм, обеспечивающих реализацию на практике такого ее высшего проявления как признание за верующими права самостоятельно и безнаказанно определять свою религиозную или нерелигиозную принадлежность.

Ключевые слова: вероисповедное законодательство, свобода совести, свобода вероисповедания, вероисповедные переходы.

Начало XX в. в истории России отмечено активной законодотворческой деятельностью в области свободы совести и свободы вероисповедания. В условиях ширящегося общественно-политического кризиса вопрос об обеспечении на практике декларируемой основными законами Российской империи терпимости в делах веры и расширении прав неправославных вероисповеданий стал одним из самых острых и животрепещущих. Развернувшаяся на эту тему общественная дискуссия выявила, что в российском обществе сложились две точки зрения на данную проблему.

Первая была представлена теми, кто считал, что российское законодательство предусматривает достаточную свободу вероисповедания, вытекающую из Свода законов Российской империи, в котором декларировалось, что «все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной»¹. Пример тому – защищенная 22 апреля 1901 г. докторская диссертация известного специалиста по церковному праву М.Е. Красножёна «Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан». Он писал: «В своем исследовании об иноверцах на Руси, на основаниях данных истории, я пришел к заключению, что охранение господствующей Православной веры и полное невмешательство во внутреннюю религиозную жизнь иноверцев – были теми началами, которыми руководилось русское церковное и светское правительство в своих отношениях к «иностранным вероисповеданиям». Большой терпимости к иноверцам, чем та, коею пользуются они у нас, не может быть»². Однако в сноске автор данного высказывания уточнял, что речь идет о вероисповеданиях, а не секантах, к которым в силу несовершенства российского законодательства по религиозным вопросам относился обширный круг разнородных общин, в том числе протестантского толка. Данная точки зрения была весьма устойчивой и долго бытовала среди российского

чиновничества. Так, в аналитической записке, подготовленной Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в июне 1917 г. и представленной на рассмотрение Временному правительству, говорилось: «Веротерпимость, присущая духовному укладу русского народа, до известной степени отражалась в законодательстве русского государства относительно иностранцев и иноверцев даже тогда, когда само государство носило еще определенный вероисповедный характер. Она нашла свое выражение и в старых Основных Государственных Законах в ст. 45, перешедшей в нынешние в качестве ст. 67: «свобода веры присвоается не токмо христианам инославных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогушего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих»³. Вместе с тем в записке указывалось, что, «допуская известную терпимость к исповеданию веры праотцев, старое русское законодательство в то же время не признавало проявлений личной инициативы в делах веры: оно не допускало переходов в иное, кроме православия, исповедание, образования нового вероучения, тем более выхода во внеисповедное состояние. Это отрицательное отношение к вероисповедным переходам до начала текущего столетия поставлено было под охрану более или менее суровых уголовных законов, каравших за добровольный переход из православия в другую веру и из христианства вообще в нехристианское исповедание (ст. 185 и 188 Уложения о наказаниях. Изд. 1885 г.)»⁴.

Противоположная точка зрения была представлена теми учеными, публицистами, политическими и общественными деятелями, которые отстаивали необходимость проведения коренной реформы в сфере государственно-церковных отношений, ратовали за модернизацию российского законодательства, укрепление начал религиозной свободы и веротерпимости. Их усилиями эта проблема стала предметом публичного обсуждения как в печати, так и в органах законодательной власти. По мнению А.А. Дорской, своеобразным катализатором интереса к проблеме совести в России стало отлучение от церкви графа Л.Н. Толстого⁵. Это событие подхлестнуло студенческие волнения, в частности в Казанском соборе 4 марта 1901 г., по результатам которых власти были вынуждены констатировать, что отсутствие у молодежи достаточного уважения к Церкви является результатом «отсутствия правильного религиозного воспитания в семье»⁶. В газетах стали публиковаться различные мнения на религиозные темы, а в Санкт-Петербурге с конца 1901 г. с целью «свободного обсуждения вопросов церкви и культуры» начали проводиться Религиозно-философские собрания. Ярким примером полемики по вопросам свободы совести может служить дискуссия, развернувшаяся в российской печати осенью 1901 г. и инициированная орловским губернским предводителем дворянства М.А. Стаховичем, который в сентябре 1901 г. выступил на Орловском миссионерском съезде, рассматривавшем ряд вопросов о борьбе православия с обуревающими его ересями и сектами. Его «речь, касающаяся вопроса о свободе совести», была опубликована в «Орловском вестнике» и «Санкт-Петербургских ведомостях» «с надеждой, что она привлечет общественное внимание и вызовет принципиальное обсуждение затронутого в ней вопроса»⁷. В дискуссию включились такие периодические издания как «Московские ведомости», «Новое время» и др.

Актуальность вопроса о свободе совести была связана с тем глубоким противоречием, в которое вступали между собой в начале XX столетия основные положения российского вероисповедного законодательства и насыщенная религиозная жизнь многонациональной и поликонфессиональной России, время от времени обогащаясь появлением новых, так называемых сектантских обществ и церквей. Последнее обстоятельство, с одной стороны, диктовало необходимость определения их юридического

положения и создания системы управления ими, с другой стороны, оно ставило российских законодателей перед проблемой установления в области вероисповедной политики полного единообразия в отношении как православных, так и последователей инославных и иноверных учений. «Посягательство со стороны государства на свободу совести, вторжение его в интимную область религиозных убеждений и попытка установить крепостническое состояние в вопросах вероисповедания» являлось одной из самых крупных аномалий в русской общественной жизни начала XX в.⁸

Требование законодательного оформления принципов свободы совести и реализации на практике такого ее высшего проявления как признание за верующими права самостоятельно и безнаказанно определять свою религиозную принадлежность осознавалось в качестве первостепенной задачи уже не только представителями прогрессивно настроенной общественности, но и властями. Так, российский император Николай II в первые годы XX столетия неоднократно выражал намерение «охранить освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры», «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям», принять «меры к устранению в религиозном быте их всякого прямо в законе не установленного стеснения и расширить права вероисповеданий»⁹, что нашло выражение в серии указов и манифестов, подписанных Николаем II в период с февраля 1903 г. по октябрь 1905 г.

Остроту общественной дискуссии по проблемам свободы совести в России выявила и подчеркнула первая русская революция, которая показала: от того, насколько прогрессивный характер будут носить государственные реформы по вопросам религиозных свобод, в немалой степени будет зависеть общественно-политическая стабильность. Консервативное требование недопустимости отпадения от православия и необходимости поддержания установлений, направленных на защиту прав первенствующей и господствующей Православной церкви (зафиксированных в различных статьях Уложения о наказаниях и Уставов о предупреждении и пресечении преступлений), выраженное в наиболее яркой форме в запрете «как рожденным в православной вере, так и обращающимся к ней отступить от нее и принять иную веру, хотя бы и христианскую»¹⁰ уже не соответствовало «ни общественному правосознанию, более не укладывающемуся в рамки бюрократического строя, ни религиозным запросам, исходившим из среды самой господствующей церкви, ни стремлениям различных национальностей, населяющих Россию»¹¹.

На пике первой русской революции 17 апреля 1905 г. появился именной Высочайший Указ, который впервые в истории России легализовал переход из православия в другое христианское исповедание. Согласно первому пункту указа, отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение более не подлежало преследованию и не должно было влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо должно было признаваться принадлежащим у тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало. На практике это означало, что к существовавшим ранее в России двум вариантам перемены исповедания – присоединение или возвращение в православие и переход из одного инославного исповедания в другое – была добавлена новая возможность – переход из православия в другое христианское исповедание. Последнее, еще недавно считавшееся «проступком» действие, теперь не требовало получения даже особого разрешения.

Уже вскоре после обнародования указа от 17 апреля 1905 г. в различных местностях империи, прежде всего «с неокрепшим еще в правосла-

вии населением», по преимуществу в униатских районах Царства Польского и в населенных мусульманами восточных областях России, а также латышского населения Прибалтийского края, начали поступать заявления от лиц, числящихся по метрикам православными, об исключении их из православия и о причислении их к другому исповеданию¹². Однако удовлетворение этих ходатайств встретило у местных властей значительные затруднения, так как в указе от 17 апреля не оговаривался порядок, в соответствии с которым можно было воспользоваться правом перехода из одной веры в другую. В связи с этим, «озабочиваясь беспрепятственным проведением в жизнь Указа 17 апреля», Министерство внутренних дел в конце мая 1917 г. вышло в Комитет Министров с представлением о необходимости, впредь до законодательной разработки вопроса, установить временные правила для перехода из православия в иноверные и инославные исповедания¹³. Комитет Министров поручил Министерству внутренних дел предоставить на основании бывших в комитете суждений местным властям и лицам необходимые на этот предмет указания.

Циркуляр, оговаривающий порядок перемены вероисповедания, был опубликован Министерством внутренних дел 18 августа 1905 г.¹⁴. В нем подчеркивалось, что после обнародования указа от 17 апреля 1905 г. законодательно установлены только три варианта перемены вероисповедания: принятие и возвращение в православие, переход из одного иностранного исповедания в другое такое же и переход из православия в ту или другую инославную или иноверную религию.

Циркуляр указывал, что относительно принятия православия или возвращения в лоно православной церкви господствующей в государстве Православной церкви принадлежит неотъемлемое право всеми законными средствами содействовать переходу в православие и оказывать духовное воздействие на отпадающих и отпавших членов своих к удержанию их в прежней вере и возвращению к православию. В этом отношении губернские власти должны оказывать православному духовенству полное содействие, наблюдая, чтобы лицам, отпавшим от православия, но желающим вернуться к нему, не было препятствий и стеснений со стороны иноверцев. Что касается перехода из одного иностранного исповедания в другое, то в действующий закон (Устав Духовных Дел Иностранных Исповеданий, ст. 6 и Высочайше утвержденное 19 апреля 1904 г. мнение Государственного Совета) указом 17 апреля не было внесено никаких изменений, и существующие в этом отношении постановления остаются без изменения. По вопросам отпадения от православия указ 17 апреля, уничтожая за этот поступок наказание, а равно все действовавшие ранее гражданские его последствия, тем самым предоставлял каждому свободное избрание веры. Установление требования получения особого разрешения для перехода из православия в иную веру противоречило бы духу указа. Поэтому Министерство видело свою задачу лишь в выработке определенного порядка регистрации таких переходов и вменение данной обязанности местным административным властям.

На основании этого и руководствуясь поручениями Комитета Министров от 25 июня 1905 г. Министерство внутренних дел данным циркуляром устанавливало порядок перехода православных в инославные и иноверные исповедания, согласно которому лица, желающие перейти из православия в одно из инославных христианских исповеданий, должны были обратиться с заявлением непосредственно или через уездную административно-полицейскую власть к местному губернатору. В последнем случае уездная административно-полицейская власть была должна безотлагательно представить заявление губернскому начальству и одновременно с этим сообщить православному священнику. Губернатор по получении заявления должен был немедленно уведомить православное епархиаль-

ное начальство и не позднее чем через месяц со дня получения заявления препроводить его на усмотрение местного инославного духовного начальства (месячный срок устанавливался «дабы дать возможность увещания отпадающего со стороны православного духовенства»). После подтверждения инославными властями акта перехода губернатор ставил об этом в известность епархию. Вся процедура должна была занимать не многим более месяца¹⁵.

Несмотря на простоту установленной процедуры и проявленную оперативность в разработке вышеописанного порядка, не обошлось без осложнений. Так, уже в первые дни после опубликования Указа от 17 апреля 1905 г. в западных губерниях России начался переход лиц «значившихся православными, преимущественно из так называемых «упорствующих», т.е. униатов», в католичество¹⁶. Выпущенные 18 августа 1905 г. правила регистрации перехода из православия в иные христианские исповедания были доведены до римско-католических епархий, но в некоторых случаях не были ими своевременно опубликованы (в отдельных местностях задержка составляла 2-3 года). В результате значительные массы населения, фактически совершившие переход в католичество, не могли быть признаны католиками ни правительственными установлениями, ни судами, так как лица, совершившие переход без соблюдения порядка от 18 августа 1905 г., согласно закону продолжали считаться «заведомо православными». Следствием этого были не только трудности, с которыми сталкивались эти лица при удовлетворении своих религиозных потребностей, но и целый ряд различных ограничений в правах (их браки, заключенные по католическому обряду, считались недействительными, дети должны были воспитываться в лоне православия).

Придавая (вопреки закону) циркуляру от 18 августа 1905 г. обратную силу, Министерство внутренних дел требовало, чтобы «установленную данную циркуляром регистрацию совершили все уже перешедшие, даже те, которые перешли до 18 августа, т.е. в то время, когда циркуляра еще не было»¹⁷. Как указывается в пояснительной записке, датируемой мартом 1917 и сохранившейся в Российском государственном историческом архиве, «когда, применяясь к указанному требованию Министерства, некоторыми перешедшими предприняты были попытки к урегулированию вероисповедного своего положения, таковое в результате еще ухудшилось: перешедших стали увещевать «не переходить» в католичество, к которому они принадлежали уже много лет; тем, которые при переходе имели требуемый возраст, но перешли таковой в момент подачи заявлений о регистрации, в последней стали отказывать; у перешедших отбирались документы, в коих они значились католиками, и, наконец, что самое главное, лишь стало известным, что таким перешедшим исполнялись требы римско-католическими священниками, против последних стали возбуждаться судебные преследования. К тому же сама процедура регистрации, требующая от людей неграмотных и несостоятельных подачи особых заявлений и оплаты их гербовым сбором, оказалась на практике слишком стеснительной, а иногда прямо невыполнимой»¹⁸. С целью разрешения этой коллизии министр внутренних дел граф Н.Б. Щербатов 17 июля 1915 г. установил особые правила для тех, кто отпал от православия в католичество в период между 17 апреля и 18 августа 1905 г.¹⁹. Согласно этим правилам, они признавались католиками со дня фактического выхода из православия. Для них был установлен срок – 1 ноября 1915 г., в течение которого данный переход должен был быть оформлен юридически. Однако этот срок также представлялся неудовлетворительным, в связи с чем римско-католическое духовенство и польское общество возбудили ходатайство о признании католиками всех лиц, фактически присоединившихся к католической церкви²⁰.

Несмотря на то, что, по оценкам многих современников, указ 17 апреля 1905 г. «не затрагивал общих руководящих идей российского законодательства», данный закон был несомненным актом веротерпимости со стороны государства и открыл новую страницу в истории церковно-государственных отношений в России²¹. И хотя веротерпимость в нем понималась ограниченно, сам факт признания вероотступничества не преступлением, а гражданским правом был «крупным приобретением», создававшим определенные рамки для ограничения существующего произвола»²².

Осознаваемая уже современниками ограниченность указа 17 апреля 1905 г., который «не проводил последовательно свободы индивидуального религиозного самоопределения»²³, ставила вопрос о необходимости продолжения вероисповедной реформы. Однако, как указывалось в ранее упоминаемой пояснительной записке, датированной мартом 1917 из Российского государственного исторического архива, указ «не мог достигнуть цели, когда самый государственный строй не изменился»²⁴. Решительным шагом в сторону политических реформ стал царский Манифест от 17 октября 1905 г., первым пунктом которого была выражена воля монарха даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов.

В связи с необходимостью реализовать на практике положения Манифеста 17 октября на правительство была возложена обязанность «наметить необходимые меры к обеспечению каждому возможности беспрепятственно осуществлять на практике права, вытекающие из дарованной монаршей волей милости»²⁵. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в начале 1906 г. Так, для устранения тех уголовных санкций, которые ранее ограничивали свободу совести, 14 марта 1906 г. было утверждено мнение Государственного Совета о согласовании некоторых постановлений Свода Законов и уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 г. и о введении в действие главы второй высочайше утвержденного 22 марта 1903 г. Уголовного уложения о нарушении ограждающих веру постановлений, с отменой наказания за отпадение от христианской веры в нехристианскую (Уложение о наказаниях, ст. 185; Устав о предупреждении и преследовании преступлений, ст. 36), а также за соращения без употребления власти, принуждения, обольщения, обещания выгоды или обмана православного в иное нехристианское исповедание. В утвержденной 23 апреля 1906 г. новой редакции Основных государственных законов, в главе второй о правах и обязанностях российских подданных появилась долгожданная статья: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования таковой определяются законом»²⁶.

Не могла остаться в стороне от законодательного творчества в области вероисповедного права и Государственная Дума 1-го созыва (27 апреля – 8 июля 1906 г.). Уже 15 мая 1906 г. председатель Думы препроводил министру внутренних дел поданное за подписью 49 членов Думы заявление с приложением проекта основных положений предполагаемых изменений в законах о свободе совести. Эти положения гласили:

«1. Каждому гражданину Российской империи обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры. (Примечание. Все узаконения, ограничивающие гражданские и политические права лиц, принадлежащих к тем или иным вероисповеданиям, отменяются).

2. Все существующие и вновь образуемые в Российской империи вероисповедания пользуются в одинаковой мере свободой богослужения и отправления религиозных обрядов, а также проповедования и распространения

ния своих учений, поскольку при осуществлении этой свободы не совершается деяний, предусмотренных общими уголовными законами.

3. Никто не может быть силой государственной власти принужден принадлежать к какому-нибудь вероисповедному обществу или совершать религиозные действия или участвовать в обрядах какого-нибудь вероисповедания.

4. Никто не может отказываться в силу своих религиозных убеждений от исполнения гражданских или политических обязанностей, кроме случаев, точно в законе указанных.

5. Всякий, достигший 17-летнего возраста, может выйти из состава вероисповедного общества, к какому он принадлежит; несовершеннолетний, не достигший одного возраста, воспитывается в том вероисповедании, в коем пожелают его воспитывать родители.

6. Особый закон определяет порядок ведения актов гражданского состояния.

7. Особые узаконения определяют преподавание вероучения. Эти узаконения не должны противоречить началам свободы и равенства вероисповеданий».

В отзыве министра внутренних дел П.А. Столыпина на заявление 49 членов Государственной Думы указывалось: так как предложенные 49 членами Государственной Думы положения о свободе совести затрагивали «вопросы первостепенной важности, могущие оказать влияние на все стороны государственного устройства и управления, Министерство внутренних дел вменяло себе в обязанность»²⁷ заняться выработкой нового законопроекта и представить свои предложения по этому вопросу на рассмотрение Совета Министров, что и было выполнено к февралю 1907 г., когда Министерством было представлено семь новых законопроектов по вероисповедным вопросам.

Эти законопроекты исходили из того, что согласно основным началам государственного права Российской империи свобода совести есть «право каждого, обладающего достаточно созревшим самосознанием лица, беспрепятственно и без всякого для него правового ущерба признавать или заявлять свою веру или даже отсутствие таковой»²⁸. Данное понятие свободы совести включало такие важнейшие гражданские права как: право каждого лица заявлять свою веру и убеждать других к принятию исповедуемого им учения, если уголовные законы не нарушаются содержанием данного исповедания; право лица, принадлежащего к тому или иному исповеданию, беспрепятственно отправлять богослужения по предписаниям своей религии в своем частном помещении; право лиц, которые имеют одни и те же религиозные воззрения, составлять религиозные собрания для совместного отправления богослужения и образовывать религиозные союзы; право каждого лица по достижении законного возраста как самому беспрепятственно переходить из одного вероучения в другое или в никакое, так и менять исповедание своих не достигших определенного возраста детей; невмешательство государственной власти в духовные отношения частных лиц к исповедуемому ими вероучению; недопущение со стороны государства принуждения кого-либо, даже из лиц, находящихся в непосредственном распоряжении государства, к совершению или к участию в каких бы то ни было богослужебных или религиозных обрядах или к несению повинностей в пользу какого-либо религиозного общества; право пользоваться всеми гражданскими и политическими правами гражданина без каких-либо в них ограничений в зависимости от вероисповедания; право лица совершать все необходимые гражданские действия без обязательств совершать при этом какие-либо церковные обряды, т.е. независимость политических прав и гражданских обязанностей от религиозной принадлежности. При этом учитывалось, что самое широкое толкова-

ние свободы совести не исключает и некоторые ограничения, основанные на требованиях государственного порядка. Так, в представлении Департамента духовных дел иностранных исповеданий в Государственную Думу от 28 февраля 1907 г. говорилось: «никакой абсолютной свободы в современном культурном и правовом государстве быть не может, и никакое благоустроенное общество не может терпеть, чтобы под знаменем свободы исповедания проводилась свобода преступления и анархия»²⁹. Поэтому свободой совести и свободой исповедания не должны оправдываться ни нарушение уголовных законов, ни нарушение общественного порядка и нравственности, ни уклонение от государственных повинностей.

Проведенный сотрудниками Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел анализ ситуации, сложившейся в России по вопросу о свободе совести и накопленном в этой области опыте передовых европейских стран, опубликованный в 1906 г. Министерством в виде «Справки о свободе совести» показывал, что законодательные мероприятия, которые «подлежат осуществлению в целях проведения в жизнь свободы совести», немыслимы без реализации такого ее важнейшего компонента как свобода выхода из вероисповедания и избрания такового³⁰. В условиях многонациональной и многоконфессиональной России свобода выхода из вероисповедания и избрания такового должна была подразумевать различные варианты переходов, – например, переход из христианства в нехристианское исповедание или в язычество, переход из одной христианской конфессии в другую или из нехристианского в иное нехристианское исповедание, а также образования групп подданных, не исповедующих определенной религии.

Как отмечал оставшийся неизвестным автор справки, согласно российскому праву, переход из христианства в нехристианское исповедание или в язычество не был прописан, но и не был разрешен. Однако наличие в Уложении о наказаниях главы «О отступлении от веры и постановлений Церкви», а также в Уставах о предупреждении и пресечении преступлений ст. 70, согласно которой только одна господствующая Православная церковь имела право в пределах Российского государства убеждать не принадлежащих к ней лиц к принятию ее учения³¹, всегда понималось на практике как недопущение законом таких переходов. По мнению же Комитета Министров, изложенному в его журнале, принятие законодательной нормы, разрешавшей православным переходить в нехристианское исповедание, не соответствовало бы «глубокому сознанию истинности высочайших начал, лежащих в основе веры Христовой, и едва ли вызывается надобностью в виду несомненной исключительности подобных случаев»³². Поэтому, с одной стороны, переход из православия в ислам или иудаизм не должен влечь за собой каких-либо репрессивных для отпавшего мер, но, с другой стороны, для него должны остаться в силе все невыгодные последствия такого шага, касающиеся прежде всего актов гражданского состояния, которые произойдут вследствие непризнания государством подобного перехода. Из этого правила было сделано исключение в отношении тех лиц, которые хотя и числились православными, но в действительности исповедовали ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали они сами или их предки. Им по закону от 17 апреля было разрешено возвратиться в прежнее вероисповедание. Это правило указом Правительствующего Сената от 2 июня 1906 г. было распространено и на лиц, желающих вернуться в нехристианское исповедание из инославных исповеданий, а Министерством внутренних дел – и на возвращение из христианства в язычество.

Автор «Справки о свободе совести» указывает, что такая законодательная двусмысленность требовала немедленного прояснения. Для реализации на практике свободы перехода из христианства в нехристианское

исповедание или язычество «необходимо указать в самом законе, что такой переход разрешается или признается государством, с распространением на эти переходы общего порядка, временно установленного циркуляром 18 августа 1905 г., впредь до выработки Министерством юстиции правил регистрации актов состояния лиц, переходящих в другое исповедание»³³.

Не меньшей двусмысленностью был отмечен и переход из одного христианского вероисповеданий в другое и из нехристианского – в иное нехристианское. С одной стороны, закон допускал переход из одной христианской конфессии в другую, а равно и из нехристианства в христианство; но в то же время (как по закону 17 апреля 1905 г.) переход из православия в инославие становился возможным только по достижении совершеннолетия, так и переход лиц, не принадлежащих к господствующей Православной церкви, в другие христианские исповедания мог происходить только с ведома правительственной власти и особого разрешения губернатора, а в отношении евреев – министра внутренних дел или, в Кавказском крае, российского императора на Кавказе. Кроме того, в уставах духовных дел иностранных исповеданий имелись и отдельные ограничения прав выбора веры.

Что же касается переходов из одного нехристианского исповедания в другое такое же, то в действующем законодательстве по этому вопросу никаких постановлений не содержалось. Однако Департаментом духовных дел иностранных исповеданий велась обширная переписка по делам о переходе из язычества в ислам, или, как тогда говорили, «магометанство», из которой следовало, что отсутствие в законе четких указаний понималось на практике в том смысле, что переходы из язычества в магометанство законом не допускаются. Дополнительным основанием для такого толкования закона послужило в частности и Высочайшее повеление от 2 августа 1854 г., которое последовало в ответ на обращение обер-прокурора Святейшего Синода, что «идолопоклонники Оренбургского края, находясь между татарами, предпочитают магометанство, и что некоторые из них уже обратились в оное»³⁴, предписывало, чтобы местным начальством были приняты самые деятельные меры для ограждения язычников. В результате местные власти переход язычников в ислам запрещали вовсе. Это «Высочайшее повеление» как прямо не основанное на законе административное распоряжение, стесняющее свободу исповедания веры, было отменено 2 апреля 1905 г. по представлению министра внутренних дел, на которого была возложена обязанность по реализации шестого пункта Указа Николая II от 12 декабря 1904 г. об устранении религиозных стеснений и расширении прав вероисповеданий.

На основании всего изложенного оставшийся неизвестным чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий делал вывод: так как в действующих узаконениях нет прямого запрещения переходов из одного нехристианского исповедания в другое такое же, а Высочайшим Указом 17 апреля и Манифестом 17 октября 1905 г. населению была дарована свобода совести, «надлежит признать, что упомянутые переходы, в том числе и из язычества в магометанство, в настоящее время должны быть признаны дозволенными в пределах Империи. Но так как прямых постановлений по сему предмету в законе не содержится, то при издании закона о свободе совести надлежало бы включить в законоположение точное указание на право перехода из язычества в нехристианство и из одного нехристианского исповедания в другое»³⁵.

Что касается права не принадлежать ни к какой религии, то, как указывалось в справке, «не может, конечно, подлежать сомнению, что нет более нежелательного элемента в государстве, чем подданные без религии, этого главного устоя нравственности: такие лица легче всего являются

благодатной почвой для зарождения всякого рода смуты и беззакония»³⁶. Однако опыт ведущих западных государств – таких как Пруссия, Австро-Венгрия или Великобритания, в которых принцип свободы совести был закреплён законодательно, показывал необходимость признания возможности существования граждан, не исповедующих никакой религии. Как и в предыдущих случаях, в действующих в Российской империи законах не содержалось прямого запрета на непринадлежность ни к какой вере, но при этом имелись косвенные постановления, указывающие на ее запрещение. Так, согласно Уложению о наказаниях, за погребение христиан без совершения надлежащих христианских обрядов в случаях, когда пригласение духовного лица подлежащего вероисповедания к погребению умершего было возможно и не было сопряжено с особыми трудностями, виновные подлежали аресту от трех недель до трех месяцев, а ст. 184 Устава о цензуре и печати гласила, что «из книг духовного содержания подвергаются запрещению все те, которые заключают в себе умствования и мнения, противные главным началам христианской веры, или опровергающие учение православной церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т.п.»³⁷. По мнению автора справки, правила эти подлежали отмене, но с установлением свободы совести и вытекающего из нее права не принадлежать ни к какой религии необходимо было, подобно западным государствам, установить новый порядок метрикации – гражданский, допустить внеконфессиональные погребения, а также ввести гражданскую присягу и брак.

Представленные в феврале 1907 г. Министерством внутренних дел семь законопроектов оговаривали вопросы перехода из одного исповедания в другое, отношения государства к отдельным исповеданиям и определяли преимущества Православной церкви, обеспечивали свободу богослужений и отправления обрядов, а равно сооружения и устройства молитвенных зданий, правила образования религиозных обществ, регулировали область семейного права, отменяли те статьи действующего законодательства, в которых содержались политические или гражданские ограничения в связи с принадлежностью к инославия или иноверию, пересматривали существующие положения, препятствующие развитию монашеской жизни последователей римско-католической церкви. Все законопроекты касались как инославных, так и иноверных исповеданий, старообрядцев и отпавших от православия сектантов, они охватывали весь круг проблем, намеченных к решению Государственной Думой, кроме введения гражданского брака и гражданской метрикации, так как эти вопросы были связаны с гражданским законодательством в целом.

Однако судьба их была драматична. В условиях думской чехарды они либо так и остались не рассмотренными, либо были отозваны разработчиком под влиянием критики со стороны Святейшего Синода. В свою очередь «усилия Государственной Думы первого и последующих созывов к изменению вероисповедных законов, стесняющих права личности, встречали непреодолимые препятствия как со стороны Правительства, так и влиятельной части Государственного Совета»³⁸. В результате в Российской империи последнего десятилетия ее существования в области церковно-государственных отношений сложилась неоднозначная ситуация, когда в условиях провозглашенной свободы совести никаких иных, кроме обозначенных выше узаконений, направленных на расширение прав личности в деле религиозного самоопределения, издано не было. Более того, наряду с новыми законами, сохраняли силу старые, отражающие дореформенные представления о задачах вероисповедной политики российского государства. По этим законам, не отмененным вплоть до 1917 г., не предусматривалось ни переходов из какого-либо инославного христианского исповедания в сектантство, старообрядчество и нехристианство,

ни внутренних переходов между этими вероисповеданиями, ни переходов из одной нехристианской веры в другую нехристианскую, равно как и выход во вневероисповедное состояние, которое считалось запрещенным. Не содержалось в законах и указаний на возраст, в котором допускаются переходы из одного инославного исповедания в другое. Важнейшие государственные институты оставались построенными на строго конфессиональных началах. Так, воспитание малолетних опекунами должно было вестись «в страхе Божьем», за погребение христианина без христианского обряда были установлены наказания, брак считался действительным только в случае, если он совершался по церковному обряду.

Даже относительно разрешенных законом переходов из одного исповедания в другое действовали различные правила. Переходы в господствующую православную церковь не только допускались из всех других исповеданий беспрепятственно, но государство их даже поощряло. Православная церковь имела исключительное право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев принимать ее учение о вере. Православных миссионеров губернские власти должны были не только охранять среди иноверцев, но и оказывать им всемерную помощь. При этом духовным и светским лицам прочих христианских исповеданий и иноверцам было строжайше запрещено прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии. При переходе из инославия и иноверия в православие были установлены льготы, а также учреждены награды для лиц, содействующих увеличению числа православных (например, старообрядцы, сектанты и последователи изуверных учений (кроме скопцов) Тобольской и Томской губерний, обращающиеся в православие, пользовались трехлетней льготой от налогов³⁹; принимающие крещение мусульмане и язычники исключались из прежних званий и окладов и пользовались трехлетней льготой от всех податей⁴⁰; если до обращения в православие иноверцы не платили никаких податей, то после крещения они также навсегда оставались от них свободными; если в прежнем исповедании новообращенные в православие были обложены меньшими по сравнению с христианами окладами, то и после крещения они оставались при прежней уменьшенной подати вплоть до самой смерти⁴¹; по распоряжению министра внутренних дел принимающим крещение башкирам предоставлялось особое пособие⁴²; право на получение пособия из казны при переходе в православие также было признано за евреями, калмыками и киргизами, но они, приняв христианскую веру, семьями или отдельно должны оставить прежнее место проживания среди иноверцев и переселиться в города и села с христианским населением.

Неполнота законов, их противоречивость и казуистичность послужили основанием к изданию многочисленных разъяснений и правил. При применении этих законов на практике целый ряд острых вопросов оставался открытым или разрешался в отрицательном смысле – например, могли ли быть переводимы в другую веру малолетние дети при переходе в нее одного из родителей (когда нет в живых второго родителя), могли ли быть переводимы в нехристианскую веру малолетние дети при возвращении в нее обоих родителей, кто понимался под предками-нехристианами, чтобы иметь право перехода в нехристианство? Масса неувязок оставалась и в области семейно-брачного законодательства, сохранялись ущемления в правах по усыновлению в зависимости от вероисповедной принадлежности.

Внесенный 14 февраля 1907 г. Министерством внутренних дел в Государственную Думу законопроект «О вызываемых свободой совести изменениях прав семейственных» был отозван правительством на доработку в 1909 г. Второй важнейший законопроект, внесенный в Государственную Думу 20 февраля 1907 г. «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного христианского исповедания в другое», предпола-

гавший унификацию правил перехода из одного христианского вероисповедания в другое и отмену всех вышеперечисленных льгот, был подвергнут существенным изменениям. Государственной Думой были значительно расширены условия допущения вероисповедных перемен, было признано необходимым допустить переходы не только из одного христианского исповедания в другое, но и во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке. Также было внесено дополнение, что не достигшие совершеннолетия, но перешедшие 14-летний возраст дети, могут переходить с согласия родителей или попечителей в другую веру. Определение же вероисповедной принадлежности малолетних, было предоставлено родителям или тому, на попечении кого они находятся⁴³.

С этими предложениями Государственной Думы не согласился Государственный Совет, и, полагая необходимым ограничить условия, когда вероисповедные переходы могут быть допущены, высказался против допущения переходов из христианства в нехристианство; свободные переходы детей в возрасте от 14 лет Государственный Совет полагал допустить только из нехристианства в христианскую веру, а из одного христианского исповедания в другое – только такое, к которому принадлежал один из родителей. Не достигшие 14 лет должны оставаться в вере своего родителя. Из-за этих разногласий законопроект был передан в Согласительную комиссию, образованную из равного числа представителей Государственной Думы и Государственного Совета, которая, однако, не смогла устранить разногласия, и потому на заседании 24 января 1912 г. данная комиссия постановила внести в Государственную Думу вместе с делом свое особое заключение.

В Думе законопроект был подвергнут новой переработке в комиссии по вероисповедным вопросам и 28 августа 1915 г. в переработанном виде вынесен на обсуждение. Он предполагал разрешить переходы во все вероисповедания и вероучения, за исключением тех, принадлежность к которым наказуема в уголовном порядке. Переход во внеисповедное состояние не допускается. Самостоятельное право перехода в другую веру предоставлялось лицам, достигшим 18 лет, не достигшим этого возраста, но имеющим 14 лет от роду названное право предоставлялось с разрешения родителей, попечителей, опекунов и т.д. Вероисповедание малолетних определяли родители или те лица, на попечении которых они находились. Предлагалось установить новый порядок регистрации вероисповедных переходов, по которому желающие перейти из одного исповедания или вероучения в другое должны были подавать о том письменное заявление местному губернатору или градоначальнику, а последний незамедлительно уведомлять местные духовные власти, ведущие метрические книги, обоих исповеданий. Предлагалось считать переход состоявшимся по истечении 30 дней с момента подачи заявления.

Эти предложения комиссии по вероисповедным вопросам остались в Государственной Думе не рассмотренными.

После свержения самодержавия Временное правительство в своем обращении к населению выразило намерение отменить все вероисповедные ограничения и еще до созыва Учредительного собрания обеспечить страну твердыми нормами, гарантировавшими гражданскую свободу и гражданское равенство (Декларация 3 (16 марта) 1917 г.). Для реализации тех положений декларации, которые касались вопросов веры, было создано Особое Совещание при МВД под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского. Это совещание разработало законопроект о вероисповедных переходах, руководствуясь в своей работе мнением, что «что из всех видов гражданских свобод именно свобода совести не мирится с компромиссами и требует своего полно-

го осуществления»⁴⁴. Заключение, ставшее итогом его, впоследствии легло в основу Постановления Временного правительства о свободе совести от 14 июля 1917 г., которое впервые в истории России сформулировало принцип: «каждому гражданину российского государства обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры»⁴⁵.

Библиографический список

Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. – 144 с.

Красножен М. Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан в России. – Т. I. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1900. – 206 с.

Мегульников С. Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести). – Вып. I. – М.: Изд-во товарищества И.Д. Сытина, 1907. – 196 с.

Терюкова Е.А. Деятельность Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи в XIX – начале XX вв. // Религиоведение. – 2010. – № 3. – С 43-49.

¹ Свод законов Российской империи. – СПб., 1892. – Т. I, ч. I. – Ст. 44.

² Красножен М. Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан в России. – Т. I. – Юрьев, 1900. – С. 10.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 57. Л. 45.

⁴ Там же.

⁵ Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. – СПб., 2001. – С. 32.

⁶ Московские ведомости. 1901. – 8 марта. – С. 2.

⁷ Стахович М. О свободе совести // Санкт-Петербургские ведомости. – 1902. – № 267. – С. 2.

⁸ Мегульников С. Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести). – Вып. I. – М., 1907. – С. 25.

⁹ Правительственный вестник. – СПб., 1904. – № 283. – С. 2.

¹⁰ Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 36 // Свод законов Российской империи. Т. XIV. – СПб., 1890.

¹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 57. Л. 45.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 49.

²⁰ Там же.

²¹ Терюкова Е.А. Деятельность Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи в XIX – начале XX вв. // Религиоведение. – Вып. 4. – 2010. – С. 45.

²² Мегульников С. Церковь и государство в России... – С. 93.

²³ РГИА. Ф. 821, Оп. 10. Д. 57. Л. 46.

²⁴ Там же.

²⁵ Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 2 Оп. 25. Д. 11. Л. 1.

²⁶ Свод законов Российской империи. – Т. I, ч. I. – Ст. 81. – СПб., 1906.

²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 10 Д. 39. Л. 367.

²⁸ Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф.2 Оп. 25. Д. 8 Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ РГИА. Ф. 821 Оп. 10 Д. 39 Л. 8.

³¹ Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 70 // Свод Законов Российской империи. Т. XIV. – СПб., 1890.

³² РГИА. Ф. 821 Оп. 10 Д. 39 Л. 8.

³³ Там же. Л. 9.

³⁴ Там же. Л. 12.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 16.

³⁷ Устав о цензуре и печати. – Ст. 184 // Свод законов Российской Империи. – Т. 4. – СПб., 1890.

³⁸ РГИА. Ф. 821 Оп. 10 Д. 57 Л. 46.

³⁹ Устав о прямых налогах. – Ст. 603 // Свод законов Российской империи. Т. V. – СПб., 1914.

⁴⁰ Там же. – Ст. 605.

⁴¹ Там же. – Ст. 606.

⁴² Свод Законов Российской империи. По прод. 1906 г., особ. прил. к IX т., книга VII., ст. 165
и прим.

⁴³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10 Д. 57. Л. 51.

⁴⁴ Там же. Л. 53.

⁴⁵ Там же. Л. 56.